

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Пылаева Михаила Евгеньевича «Проблемы теории и истории европейской музыки в научном наследии Карла Дальхауза», представленную на соискание ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.02 – «Музыкальное искусство»

Диссертация М.Е. Пылаева – фундаментальное исследование музыкально-исторической концепции Карла Дальхауза, одного из крупнейших ученых-музыковедов второй половины XX века. Написание такой работы, само по себе, – смелый шаг: исследование предлагает масштабный анализ крупного научно-исторического феномена, отделенного от нас еще не слишком большим временным промежутком. Вместе с тем, истекшие с момента кончины Карла Дальхауза (1989) годы принесли ряд связанных с ним публикаций, главная из которых – одиннадцать томов собрания его сочинений. Эти издания открыли возможность (и пробудили желание) целостно взглянуть на научное наследие (нем.: «das Werk») знаменитого ученого.

Актуальность темы диссертационного исследования М.Е. Пылаева несомненна: влияние мысли Дальхауза на современную науку огромно (о чем свидетельствуют, в частности, переводы его трудов на многие языки). Однако значение представляемой диссертации шире анализа конкретной научной концепции (при всей масштабности последней). Исследование М.Е. Пылаева отвечает современному стремлению к взаимодействию научных традиций, выраженных на разных языках, к работе в едином пространстве научной мысли. Примечательным образом диссертация М.Е. Пылаева одновременно актуализирует – и релятивирует деление музыковедения на «отечественное» и «зарубежное». Исследование представляет современный взгляд на одно из крупнейших явлений академического музыкознания XX века. Защита такой диссертации в Москве – замечательное событие для европейского академического музыкознания. Хочу поздравить диссертанта и

Диссертационный совет при Московской государственной консерватории с таким по-настоящему выдающимся достижением.

Масштабу темы соответствует объем работы: 327 страниц основного текста плюс корпус приложений объемом более 100 страниц. Диссертация ясно выстроена; у нее классическая структура: три главы со вступлением, заключением и приложениями (среди которых особо отмечу переводы нескольких работ Дальхауза, выполненные диссертантом).

Вступление ясно очерчивает круг избранной проблематики и анализируемого в диссертации материала. При заявленной масштабности темы это крайне важно (хотя в неизбежных «отсечениях» есть и некоторые потери, о чем я скажу ниже).

Первая глава – «Карл Дальхауз как представитель европейского музыкознания второй половины XX века» – представляет основные положения концепции выдающегося ученого, предлагает периодизацию его творчества, очерчивает роль и место его научного наследия в контексте западноевропейского (и не только) музыкознания той эпохи. Крайне ценным представляется здесь анализ знаменитой методологии Дальхауза, давно ставшей предметом как восхищения, так и многочисленных споров. В параграфе 1.2 анализ этой методологии выведен в анализ стиля изложения. Этот ход исследовательской мысли эффективен и убедителен. Как известно, литературный стиль Дальхауза (порожденный так называемой «франкфуртской научной школой») был предметом острых дискуссий еще при жизни ученого. Кстати, в связи с разговором о литературном стиле Дальхауза отмечу еще одно замечательное свойство данной диссертации: свободное владение М.Е. Пылаевым немецким языком, которое позволяет ему точно и без каких бы то ни было ограничений проследить непростой ход мысли (и слога) Дальхауза, уверенно анализировать его научную концепцию.

Вторая глава – «Музыкальный анализ и его роль в наследии Дальхауза» – посвящена тому феномену, который, по словам самого Дальхауза, способен обосновать эстетическую ценность музыки. Важно, что анализ этого материала

произведен диссертантом не одномерно, но с учетом позиций двух других крупных ученых: Августа Хальма и Теодора Адорно. Тем самым концепция Дальхауза приобретает необходимую для ее понимания «резонансность».

В основу **Третьей главы** – «Проблемы музыкальной историографии и истории музыки в трудах Дальхауза» – положен интереснейший материал: работы «Grundlagen der Musikgeschichte» («Основы истории музыки») и «Die Musik des 19. Jhs.» («Музыка XIX века»). Диссертант предлагает анализ историографической концепции Дальхауза, органично включающий немецкоязычную и русскоязычную исследовательские традиции. Это представляется важным шагом в разработке того единого научного пространства, о котором я уже говорила, а также крупным личным вкладом соискателя в изучение данной области знания.

В этой главе речь вновь идет об особом научном методе Дальхауза. На этот раз анализ обращен на историографию и содержит экскурсы в необходимые смежные области: это кризис исторического сознания в науке 1970-80-х годов, историческая методология Западной и Восточной Европы, русская формальная школа. Диссертант приходит к важным выводам. Он пишет о том, что знаменитый дальхаузовский «принцип беспринципности» не есть «дурной эмпиризм»: «...Дальхауз <...>. говорит о методологическом плюрализме <...>., предлагает тем самым не выдвигать в качестве предпосылки жесткую иерархию оснований исторической аргументации, а исходить из множества открытых возможностей<...>» (с. 214). М.Е. Пылаев убедительно показывает столь важные свойства метода Дальхауза, как его «творчески-поисковая, а не подытоживающая функция» (с. 206), открытость научной мысли и ее принципиальная недогматичность. Он пишет: «Эклектизм Дальхауза правомерен и потому, что позволяет глубже проникнуть в суть исследуемого предмета». Отечественной науке предлагается, таким образом, новый взгляд на научный метод Карла Дальхауза, а вместе с тем – и на генезис современной научной мысли. Этот крайне содержательный раздел работы, как и сделанные в

нем выводы, представляют несомненный вклад диссертанта в разработку истории и методологии современного академического музыковедения.

Перейду к вопросам и замечаниям. Их три основных. Первое связано с одной предлагаемой в диссертации формулировкой. Здесь неоднократно встречается утверждение о том, что XIX век был для Дальхауза «безусловной вершиной развития мировой музыкальной культуры» (с. 19), а параграф 3.2. озаглавлен «Классико-романтический этап и XIX век как вершины эволюции европейской профессиональной музыки». Позволю себе не согласиться. По моему убеждению, в случае с Дальхаузом (и не только с ним) следует различать понятия «исследовательского интереса» и «научно-исторической концепции» ученого. Действительно, не вызывает никаких сомнений тот факт, что именно классико-романтическому этапу посвящено более всего объема мысли (и печатных страниц) в научном наследии Дальхауза, именно эта историческая эпоха его интересовала более других, и именно в связи с ней ученым высказано больше всего глубоких наблюдений над общим ходом развития истории музыки. Однако, рассматривал ли Дальхауз этот период как «вершину развития мировой музыкальной культуры», высшую точку некоей единой линии? Прочитую самого Дальхауза. В «Grundlagen der Musikgeschichte» он пишет о мастерстве современного историка (то есть в т.ч. и о себе самом): Современный историк <...> не старается подобно «всеведущему рассказчику» повествовать о том «как это собственно было», но скорее пытается представить одну линию событий прошлого в разных перспективах, тех, что подчас противоречат друг другу, а отнюдь не взаимно дополняются; он (современный историк – ЖК) скептически настроен к точному определению начал и концов <...>; он даже старается избежать иллюзии непрерывного развития и прерывает свое повествование противоречащими ему фактами и он дает понять, что история, как он ее рассказывает, кроме показа фрагмента прошлого, есть документ о настоящем, – о той современности, в ситуации которой он (историк – ЖК) пишет. Перед лицом открытого будущего, прошлое – поскольку оно всегда есть прошлое какого-то конкретного настоящего, и, следовательно, изменчивое прошлое –

тоже оказывается затронутым (этой открытостью – ЖК)». («Grundlagen der Musikgeschichte», S. 81).

Думается, что историка, *таким* образом размышляющего о специфике своего дела, трудно заподозрить в склонности к линейной эволюции с некой «безусловной вершиной развития». Мысль Дальхауза для этого слишком многомерна, слишком не догматична (о чем, как мы видели, прекрасно размышляет сам диссертант, анализируя метод ученого). Тоже можно сказать и о так называемом «европоцентризме» Дальхауза. Он многократно упомянут в работе. Однако известно, что при всей видимой ориентации ученого на европейскую и конкретно немецкую традицию, Дальхауз критичен к европоцентризму; он недвусмысленно пишет об этом в тех же «Grundlagen...». (Экономя время и пространство, воздержусь от цитат).

Второе. Жаль, что в диссертации вообще опущен разговор о старинной музыке и перипетиях ее рецепции в науке XX века. В главе по истории и историографии (третьей главе) такой раздел был бы весьма уместен. Он точно увел бы от формулировок, связанных с линейностью. Ведь после масштабной научной дискуссии середины XX века о принципах изучения старинной музыки и о связанных с ними принципах общей периодизации истории музыкальной культуры (дискуссии, в которой приняли участие едва ли не все крупнейшие музыковеды-историки той эпохи) такая линейность просто немыслима. Известно, что Дальхауз был прекрасно знаком с этой дискуссией. Кстати, позволю себе здесь и одно дополнение: в том разделе, где анализируется (масштабно и убедительно) генезис нейтрально-хронологического принципа периодизации музыкальной истории, озадачивает отсутствие работы Жака Гандшина «Musikgeschichte im Überblick» («Обзор истории музыки»). Ведь в этой работе еще в 1948 г. был предложен (и что важно: последовательно выдержан) именно нейтрально-хронологический принцип периодизации истории музыки (что вызвало тогда едва ли не шок у некоторых ученых). Дальхауз высоко ценил эту работу (как и иные труды выдающегося швейцарского музыковеда), ему принадлежит яркая, почти восторженная

рецензия на переиздание Musikgeschichte Гандшина в 1981 году (*Dahlhaus C. Jacques Handschin. Musikgeschichte im Überblick, Wilhelmshaven, 1981 // Carl Dahlhaus. Gesammelte Schriften, 9. Rezensionen. Hg. H. Danuser. Laaber, 2006. S. 440-441*). Создавая свою периодизацию истории музыки, Дальхауз, несомненно, опирался в том числе и на опыт Гандшина.

Третье. В диссертации неоднократно упоминается об ориентации Дальхауза на «немецкое» (музыкознание, музыку, научную традицию и т.д.). Однако возникает вопрос: все-таки «немецкое» или «немецкоязычное» имеется в виду? В тексте диссертации встречаются оба варианта, без какого-либо разграничения. Но это отнюдь не идентичные понятия – и каждое, в свою очередь, внутренне сложно. С одной стороны, немецкое музыкознание, которое переживало в исследуемый период не только конфликт Запада и Востока (прекрасно проанализированный в диссертации), но и драматичный раскол, произошедший в немецкой научной школе ранее, еще в 1930–40-е годы. Отзвуки этого раскола были слышны в Германии в годы юности Дальхауза очень отчетливо. (Они слышны и по сей день, свидетельством чему – целый ряд публикаций и конференций рубежа 1990 – 2000-х годов). С другой стороны, это научные школы Австрии и Швейцарии (если упомянуть только их), сыгравшие огромную – и весьма отличную от германской – роль в науке перед Второй мировой войной и продолжавшие играть ее позже, в ранние годы работы Дальхауза. (В этой связи я позволю себе порекомендовать уважаемому диссертанту несколько осторожнее обходиться с распространенным, к сожалению, языковым клише «австро-немецкая традиция»; исследования показывают, что это все же две традиции, и, по крайней мере, при изучении истории научной мысли их лучше не смешивать).

В заключение приведу еще несколько небольших «формальных» (т.е. «оформительских») примечаний к работе (связанных с тем, что этот аспект играет в данном случае бóльшую, чем обычно роль). Поскольку данная работа представляет фундаментальный анализ научной концепции, выраженной (в своем основном корпусе) на немецком языке, она (диссертация) находится в

интенсивнейшем диалоге с немецкоязычной научной традицией. Поэтому вопрос о транскрипциях и переводах (не только полных текстов, но и терминологии, названий работ и т.д.) здесь крайне важен. Вызвала вопросы система транскрибирования имен, не слишком последовательно выдержанная (какие-то немецкие имена даются в основном тексте и в русском и в оригинальном написании, какие-то только по-русски, а по-немецки лишь в списке литературы). Странным показался тот факт, что имя главного героя исследования – Карла Дальхауза – в основном тексте вообще ни разу не встречается в оригинальном (немецком) написании (а ведь для русскоязычного читателя это написание отнюдь не очевидно). Переводы некоторых названий также вызвали вопросы. Полностью соглашусь с М.Е. Пылаевым, предлагающим вариант «Основы истории музыки» для «Grundlagen der Musikgeschichte». А вот вариант «Новая энциклопедия музыковедения» для «Neues Handbuch der Musikwissenschaft» мне не представляется убедительным, поскольку немецкий язык вполне располагает словом «Enzyklopädie»; однако его в оригинальном названии этой работы нет; слово же «Handbuch» лучше бы перевести иначе («энциклопедия» – все же иной жанр). И, наконец, последнее «оформительское» замечание. Представляется, что более гибкой могла бы быть система введения цитат. Диссертация масштабно и убедительно апеллирует к позициям далеко не только Дальхауза, но множества исследователей, и цитирует их работы. Возможно, этот процесс стоило яснее представить в самом оформлении текста (например, особым форматированием, выделением длинных цитат в столбцы и пр.). Просто кавычек в данном случае явно недостаточно. Помимо бóльшей ясности в восприятии (для читателя), четкое отделение авторского текста от (многоуровневых) цитат нагляднее показало бы колоссальную внутреннюю многомерность – и выдающуюся научную содержательность – данного диссертационного исследования.

Подведу итоги. Все высказанные соображения, равно и те, которые можно к ним присовокупить, ни в малейшей степени не влияют на принципиальную оценку масштабного труда, который осуществил М.Е. Пылаев. Это

исследование вводит в отечественное музыковедение гигантский по объему и научной значимости материал, подтверждая и поддерживая единство мировой научной традиции (как и текущей жизни науки). Личный вклад исследователя, без сомнения, масштабен и убедителен: прежние публикации М.Е. Пылаева уже решали такие задачи; диссертационное исследование прекрасно развило и усилило эту работу.

Все изложенное выше позволяет заключить, что диссертация Михаила Евгеньевича Пылаева «Проблемы теории и истории европейской музыки в научном наследии Карла Дальхауза» является научно-квалификационной работой, соответствующей требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, ред. от 21 апреля 2016 года на соискание ученой степени доктора наук. Автореферат диссертации и публикации (монография, 15 статей ВАК и 10 в иных рецензируемых изданиях) достаточно полно отражают основное содержание работы. Автор исследования М.Е. Пылаев заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.02. — «Музыкальное искусство».

Доктор искусствоведения,
ведущий научный сотрудник
ФГБНИУ «Российский институт истории искусств»
Князева Жанна Викторовна

28 ноября 2016 г.

Жанна Викторовна

Подпись руки
УДОСТОВЕРЯЮ
Ст. инспектор
по кадрам

Князева И. В.
Жанна Викторовна

Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Российский институт истории искусств»

Почтовый адрес: 190000 Санкт-Петербург. Исаакиевская пл., 5
Телефон: (+7 812) 314 4136
Веб-сайт организации: <http://artcenter.ru/>
E-mail (организации): spb@artcenter.ru
E-mail (личный): jeanna.kniazeva@mail.ru